

ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В ПРОГРАММНОЙ РАБОТЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА «ВИЗАНТИЗМ И СЛАВЯНСТВО»

Осипова Елена Аркадьевна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, osipovv@rambler.ru

Аннотация. В статье последовательно исследуется программная работа К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство», затрагивающая тему зарубежных славян и славянского единства. Мнение мыслителя о славянском мире отражено в контексте всего многообразия проблем и вопросов, объединенных славянской темой. Автор статьи приходит к выводу, что ключевую роль в восприятии Леонтьевым славян играла степень его приверженности «византизму» как важному охранительному началу, способному воспрепятствовать утрате Россией и другими православными славянами собственной духовной и национальной идентичности. Большое внимание Леонтьев уделял болгарам в связи с византийско-болгарской церковной распрей, невольно проецируя свойственное ему критическое отношение к ним также и на других южных славян, и даже на славянство в целом. В связи с этим общие выводы философа о вопросах славянского единства достаточно пессимистичны, однако отдельные его высказывания и наблюдения над некоторыми явлениями славянской жизни, в частности сербов, весьма точны, хотя и не влияют на его концепцию о взаимоотношении России с зарубежными славянами. Её общий смысл заключался в необходимости поддерживать «искусное тяготение на почтительном расстоянии». В статье кратко прослежена эволюция восприятия темы славянского единства русскими мыслителями, писателями и публицистами в XIX веке.

Ключевые слова: славянский мир, славянофилы, ученые-слависты, панславизм, младобуржуазность

Для цитирования: Осипова Е.А. Зарубежные славяне в программной работе К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 172-178. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-172-178>

Research Article

NON-RUSSIAN SLAVS IN THE PROGRAMME WORK “BYZANTINISM & SLAVDOM” BY KONSTANTIN LEONTIEV

Elena A. Osipova, Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, osipovv@rambler.ru

Abstract. The article examines the programme work “Byzantinism & Slavdom” (1831–1891) by Konstantin Leontiev in the context of his other works that touch on the topic of non-Russian Slavs and Slavic unity. The thinker’s view of the Slavic world is reflected in the context of the variety of problems and issues united by the Slavic theme. The author of the article concludes that what played a key role in Konstantin Leontiev’s perception of the Slavs was the extent of his commitment to “Byzantinism” as an important preservatory capable of preventing Russia and other Orthodox Slavs from losing their own spiritual and national identity. Much attention was paid to the Bulgarians in connection with the Byzantine-Bulgarian church strife by Konstantin Leontiev, who unwittingly projected his critical attitude towards them onto other southern Slavs just as well, if not on the Slavs as a whole; that was characteristic of him. Therefore, the philosopher’s general conclusions about Slavic unity were rather pessimistic; however his individual statements and observations about certain phenomena in Slavic life, notably the Serbian ones, were quite accurate, though they did not affect his conception of Russia’s relationship to the other Slavs. The general sense of this conception was the need to maintain a “skillful affection at a respectful distance”. The evolution of the perception of the Slavic unity theme by Russian thinkers, writers and publicists in the 19th century is briefly traced in the article.

Keywords: Slavic world, Slavophiles, Slavist scientists, pan-Slavism, young bourgeoisie

For citation: Osipova J.A. Non-Russian Slavs in the programme work “Byzantinism & Slavdom” by Konstantin Leontiev. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 172-178 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-172-178>

Вопросы единства и многообразия славянского мира, его тесные исторические, культурные и духовные взаимосвязи с Россией начинают активно изучаться отечественными учеными, писателями и публицистами примерно с 30-х гг. XIX века. Видное место в этом ряду занимает известный русский консервативный мыслитель, дипломат, писатель и публицист второй половины XIX века К.Н. Леонтьев (1831–1891), в своих сочинениях большое внимание уделявший положению дел в славянстве. Показательно, что современники нередко характеризовали мыслителя с точки зрения его отношения к славянскому вопросу. При этом диапазон этих оценок мог быть достаточно широким, вплоть до совершенно не сходных друг с другом. Так, например, философ С.Н. Трубецкой называл Леонтьева «разочарованным славянофилом» [Трубецкой: 123–159], а П.Н. Милуков определял его взгляды не иначе как «разложение славянофильства» [Милуков: 21–34], в то время как мыслитель и общественный деятель Л.А. Тихомиров, напротив, считал автора «Византизма и славянства» продолжателем дела И.В. Киреевского и А.С. Хомякова [Тихомиров: 1090].

Основанием для столь разных мнений служат идеи самого Леонтьева, высказываемые им в его письмах, публицистических произведениях и других сочинениях. К слову, себя мыслитель называл «славянофилом на свой салтык»: несмотря на многочисленные критические высказывания в адрес зарубежных славян, он глубоко переживал за их судьбу. По его мнению, это сопереживание давало ему сугубое моральное право быть к ним зачастую весьма суровым, и особенно к славянам православным: «Если они нам очень близки, если они нам братья, мы должны относиться к ним как к самим себе, с прямотой и откровенностью». Критика доброжелательности не исключает» [Леонтьев 2000б: 448], – утверждал мыслитель.

Синонимом славянства (зачастую рассматриваемого на фоне греческой истории и культуры) у него служат выражения «греко-славянский мир», «Восточно-Православный мир» [Леонтьев 2000б: 448], «христианский Юго-Восток», а также – «Христианский Восток» [Леонтьев 2000б: 449] и даже «Восток» [Леонтьев 2000б: 457], – отчасти благодаря Восточному вопросу, чрезвычайно актуальному в ту пору и бывшему по своей сути вопросом славянским. Эта тема была одной из ключевых в наследии Леонтьева и тесно сопрягалась с его изысканиями о цивилизационном пути развития России и остальной Европы. Подобные основополагающие для отечественного самосознания вопросы широко и подробно освещались предшественником Леонтьева Н.Я. Данилевским. В начале – середине XX века размышления о кризисе европейской культуры и роли славянского мира в мировой истории получили развитие в работах ряда западноевропейских мыслителей (О. Шпен-

глера, А. Тойнби, Й. Хейзинга и др.), хотя и восходили к иной философской традиции.

Взгляды Леонтьева на славянство отчасти пересекались с воззрениями Ф.М. Достоевского, о чем упоминает, в частности, Л.А. Тихомиров в своей работе «Русские идеалы и К.Н. Леонтьев» [Тихомиров: 1086–1103]. Достоевскому, в равной мере как и Леонтьеву, была небезразлична судьба «великой, старой Европы, которой мы столько обязаны» [Леонтьев 1876: 66]. Однако были между ними и некоторые отличия: Достоевский к славянству и Европе относился несколько иначе, чем Леонтьев: Россию, зарубежных славян и Европу в этно-историческом плане он друг другу не противопоставлял, хотя всячески порицал принятый на Западе обычай во всем искать выгоду и действовать по расчету. Размышляя о значении Восточного вопроса для русского самосознания, Достоевский писал: «У нас именно народ интересуется высшей идеей помощи братьям – выше интереса, и это вовсе не идеально, как говорите вы европейским языком. Это идеально в Европе, потому что там нет ни одного народа, который бы поставил интерес *братьев* выше собственной выгоды, и потому там это идеально, а у нас реально» [Достоевский 1982: 294]. Однако Достоевский, как известно, признавался в своей искренней, непритворной любви к Европе и потому стремился образумить ее, полагая, что она еще не до конца потеряна. Видимо, по той же причине у него встречается ряд критических замечаний и по отношению к славянам, что даже приводило его к столкновению со славянофилами [Достоевский 1980: 294].

Таким образом, уже в XIX веке, особенно начиная со второй его половины, идея славянского единства начинает восприниматься с определенной долей критики и недоверия. При этом если русские слависты первого поколения (И.И. Срезневский, П.И. Прейс, В.И. Григорович и др.) с большим энтузиазмом изучали духовное наследие и культуру зарубежных славян и были настроены по отношению к ним весьма восторженно, то уже в следующем поколении ученых (например, у В.В. Макушева) проскальзывает несколько скептическое, порой даже саркастическое отношение. Однако традиционный вектор российской геополитики по-прежнему оставался неизменным, а истонные взаимоотношения России с зарубежными славянами не подвергались сомнению. Правда, по мнению К.Н. Леонтьева, они должны были сводиться к «искусному тяготению на почтительном расстоянии» [Леонтьев 1876: 129]. В этом отношении программной является его знаменитая работа «Византизм и славянство» (1875) – своего рода квинтэссенция наиболее характерных взглядов мыслителя, многие из которых отразились и в таких его сочинениях, как «Средний европеец как идеал и орудие всеобщего разрушения», «Национальная политика как орудие всемирной револю-

ции», «Плоды национальных движений на православном Востоке» и др.

Ключевую роль в восприятии Леонтьевым «братьев-славян» играла степень их приверженности «византизму» как важному охранительному началу, способному воспрепятствовать утрате их собственной духовной и национальной идентичности. Тем более что в городской среде, представляющей собой резкий контраст с патриархальным миром сельской крестьянской общины, было немало печальных тому примеров. Достаточно выразительно Леонтьев писал об этом в статье «Русские, греки и юго-славяне», с горечью отмечая, что в то время как «в греческих и славянских горах эпическая песня еще не замолкла», в самих городах уже появились газеты «самого радикально-буржуазного направления и пишутся незатейливые стишки в самом новейшем духе» [Леонтьев 2000б: 477].

Высказывания, подобные этому, в русле неизменных славянских интересов Леонтьева неслучайны: ему явно была невыносима сама мысль о том, что славяне, как духовная и культурная общность, могут потерять себя, раствориться в некой младобуржуазности, под которой понималась совокупность черт, «вступающих в явное противоречие со вселенским духом Православия» [Числов: 12]. По мысли философа, славяне просто не имеют на это морального права. Исходя из этого, он прямо признается, что любил бы славянскую среду, «если бы она не была, вообще, так похожа на самую серую, самую казенную, самую, до швов истасканную, общеевропейскую демократию» [Леонтьев 2016: 101]. Леонтьев считал, что наряду с «византизмом», значение которого вполне определено, существует и «славизм», обозначающий, однако, нечто не вполне ясное, не оформившееся еще в полной мере и потому имеющее весьма аморфные, расплывчатые формы [Леонтьев 1876: 3].

Отсюда в значительной степени проистекает и его негативное отношение к панславизму [Леонтьев 1993: 349]. Как видно, например, из переписки философа с публицистом и ученым славянофильского направления С.Ф. Шараповым, идея панславизма в его понимании была всего лишь подражанием Европе, не являясь «своеобразно русской и истинно национальной идеей» [Переписка: 142]. С его точки зрения, полемической к мнениям старших славянофилов, это было отрицанием своеобразия, погоней за «миражем, который есть отражение вовсе не старины, а самоновейшей либеральной Европы» [Переписка: 142]. Иными словами, упомянутое явление Леонтьев понимал в первую очередь как либеральное и революционное, предполагающее «разрушение оков и стеснений» [Переписка: 142], а значит заслуживающее порицания. К тому же, по мысли Леонтьева, которую, как отмечает О.Л. Фетисенко, он неизменно высказывал в разные годы жизни [Фетисенко: 142], панславизм противоречит мессианскому назначе-

нию России, суживая тем самым горизонт ее потенциального влияния. «Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа» [Фетисенко: 142], – писал он. Идея панславизма не имела для него оправдания еще и потому, что он рассматривал ее сквозь призму греко-болгарской церковной распри [Фетисенко: 123], всецело сочувствуя в этом вопросе грекам.

Многое во взглядах философа на славянство проясняется, если мы примем во внимание его понимание народности, в основе которого лежала идея об определенном культурном типе, исторически участвовавшем в ее образовании. Так, русскую культуру, по его мнению, сформировали византийские начала, именно на русской почве получившие свое наивысшее выражение. Остальные славяне (в особенности православные) в силу исторически сложившихся обстоятельств также принадлежат к византийскому ареалу, что определяло их мировоззрение и культурные особенности. Очевидно, поэтому мыслитель, говоря о «возрождающихся нациях в XIX веке» [Фетисенко: 142], к каковым он относит чехов, сербов, поляков, греков и венгров, называет их «мелкими или второстепенными народами» [Леонтьев 2000б: 350], – видимо, в полной мере не отдавая себе отчета в том, что, например, в масштабах Балкан ни греки, ни сербы таковыми не являются. Достаточно указать на обширность *всех* сербских земель, включающих, помимо собственно Сербии, Черногорию, Боснию и Герцеговину, а также некоторые исторические сербские области. Скорее – наоборот. К грекам и сербам применима идея самого же Леонтьева о «цветущей сложности», если учесть разнообразие исторических обстоятельств, повлиявших, в частности, на общественно-политические условия, сложившиеся в каждом из сербских регионов.

Кроме того, критикуя такое явление, как «буржуазность», Леонтьев, по всей видимости, подразумевал под ним внешний, наносной лоск современной европейской культуры, а не приверженность идеалам старой Европы и бывшие некогда более крепкими родовые связи. Иными словами, он задумывался прежде всего о цивилизационных и культурных различиях России, зарубежных славян и западных европейцев. Поэтому именно через этнографическое сходство, особенности быта и общественно-политического устройства он стремился объяснить те или иные народности, сопоставляя, например, поляков с великороссами, англичан – с североамериканцами, а словаков – с венграми. Два последних народа, как известно, очень сильно отстоят друг от друга в родственном отношении, однако Леонтьев в первую очередь руководствовался тем, что словаки, будучи в составе империи Габсбургов, испытывали на себе значительное влияние «мадьярского элемента». Очевидно, наблюдая духовную и культурную разрозненность славянского мира, Леонтьев полагал,

что «славянство есть, а славизма нет». По его мнению, не существует какой-либо славянской идеи, а само понятие славянства он сводил к «племенной совокупности» [Леонтьев 1876: 31], к «идее общей крови» [Леонтьев 1876: 32], что не являлось для него чем-то первостепенным. Напротив, он даже выступал за большее сближение с народами «иноплеменными и иноверными» [Леонтьев 1876: 62], поскольку, с его точки зрения, они «еще не пропитались европеизмом» [Леонтьев 1876: 62], который он искренне и глубоко презирал, понимая под ним популярные у современных ему славян «космополитические, разрушительные и отрицательные идеи, воплощенные в кое-как по-европейски обученной интеллигенции» [Леонтьев 1876: 65].

Главным объектом его критики – в трактате «Византизм и славянство» и в ряде других сочинений – были болгары, и прежде всего их правящая интеллигенция. У них Леонтьев, по его собственному выражению, не находил «ничего славянского, в смысле зиждательном, творческом» [Леонтьев 2000б: 351], видя «только отрицание, и чем дальше, тем сильнее» [Леонтьев 2000б: 351]. Особенно строго он взыскивал с болгар за их церковное противостояние с греками, поскольку, считал он, тем самым они наносили значительный ущерб охранительным началам вселенского значения, подрывая основы и русской государственности, а значит, вредили и самому славянству. Эта мысль проистекала из твердого убеждения Леонтьева, что «для существования славян необходима мощь России»: «Для силы России необходим византизм» [Леонтьев 1876: 46].

Философ уделяет особое внимание и сербам как единоверному с русскими южнославянскому народу, с которым у России существуют давние исторические и духовные взаимосвязи. Свой разговор об этом Леонтьев предваряет следующим справедливым замечанием: «Ни один из славянских народов не раздроблен так и политически, и культурно, как сербский народ» [Леонтьев 1876: 48]. Обстоятельства, приведшие к разделению сербского народа в государственном, а также в культурном и религиозном отношении, сложились главным образом в период турецкого ига, а также были обусловлены геополитическим положением сербских земель, некогда находящихся на пограничье Западной и Восточной Римской Империи. Политическая раздробленность сербов в немалой степени явилась причиной их неоднородности и в плане культурном. На основании этого Леонтьев приходит к выводу, что у них не выработалось собственных характерных черт, которые способствовали бы сохранению неповторимых особенностей как древней, так и современной сербской жизни (в отличие, например, от поляков и русских, «живших долго независимой государственной жизнью» [Леонтьев 1876: 52]). Наоборот, и у сербов, полагает он, наблюдается опасная тенденция к утрате своей уни-

кальности, выделявшей их на фоне прочих славянских и европейских народов: «Они бросают вовсе свои живописные одежды и пляски; военные одеваются почти по-австрийски, штатские и женщины по общеевропейским образцам» [Леонтьев 1876: 49]. Распадается и знаменитая сербская задруга – тесная братская община – оплот соборного устройства народной среды. Она рушится под влиянием «демократического индивидуализма, того безграничного освобождения лица от всех стесняющих уз, к которому стремится с прошлого века образованный по-европейски мир» [Леонтьев 1876: 49].

Одна из основных причин этого, считал мыслитель, состоит в том, что у южных славян нет как такового аристократического сословия и монархического устройства. Являясь последовательным сторонником монархии (как проявления византийского начала в общественно-политической жизни), Леонтьев, видимо, усматривал в самом ее существовании спасение для православных славян от полного разобщения и культурного и национально-обезличивания. По его мнению, воспрепятствовать наметившейся у них негативной тенденции может укрепление патриархальных устоев и сохранение эпического духа народных обычаев.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие критические высказывания К.Н. Леонтьева в адрес Европы связаны с неразличением таких исторически принципиально разных понятий, как Европа и Запад, хотя отличие между ними и в то время уже прослеживалось. Как показал Леонтьев на основании своей теории триединого процесса, в истории Европы предпосылки конечного «смесительного упрощения» [Леонтьев 1876: 75], следующего за «первоначальной простотой» [Леонтьев 1876: 75] и «цветущей сложностью» [Леонтьев 1876: 75], наметились после французской революции 1789 г., положившей начало обесцениванию авторитета религии, падению нравственности, нивелированию прежних аристократических достоинств и сословного порядка [Леонтьев 1876: 100]. Все это – неизбежное следствие того разрушительного демократического либерализма, считал мыслитель [Леонтьев 2017: 250], «продуктом» которого являлся «средний человек; буржуа спокойный среди миллионов точно таких же средних людей, тоже покойных» [Леонтьев 2017: 250].

Характерное для Леонтьева восприятие идеи славянского братства и единства отразилось не только в его публицистических и художественных произведениях, но и в переписке с разными лицами. В частности, в одном из писем к С.Ф. Шарапову философ приводит мнение секретаря Славянского благотворительного общества публициста А.В. Васильева о необходимости «любить славян как братьев» и тут же против этого мнения возражает, восклицая: «Какая натяжка! Какая притворная ложь! За что? – За то, что их “интеллигенция” как две капли воды европейская?» [Леонтьев 2017: 142].

Зададимся вопросом, что послужило причиной столь безапелляционного мнения философа о зарубежных славянах и насколько справедливыми оно оказалось. Отметим попутно, что сам Леонтьев все же не являлся специалистом по истории Европы, равно как и славистом в классическом смысле этого слова. Обширный и многоликий славянский мир философ знал неравномерно. Например, он был неплохо осведомлен о поляках, тем более что они (как Царство Польское) входили на тот момент в состав Российской Империи. Стоит также напомнить, что Леонтьев на протяжении нескольких месяцев в 1880 г. проживал в Варшаве, являясь редактором русской газеты консервативного направления «Варшавский дневник». Позже, в 1883 г., вышел в свет его очерк «Польская эмиграция на Нижнем Дунае», где достаточно ярко описываются впечатления от встречи с отдельными представителями польской интеллигенции, обосновавшимися в Добружде.

Из числа зарубежных славян Леонтьев в большей степени был знаком с жизнью болгар, при этом невольно проецируя свое мнение о них и на других южных славян и даже на славянство в целом, что особенно заметно в его работе «Византизм и славянство». К слову сказать, он и сам признавался, что писал эту работу, испытывая значительное воздействие «церковной греко-славянской распри» [Чижев: 396]². Однако и в отношении болгар его оценки и выводы не всегда можно назвать точными и исчерпывающими. Например, объясняя особенности болгарского менталитета главным образом на примере их борьбы с греками (а значит, и с византизмом), Леонтьев писал: «У болгарского патриота в комнате, рядом с иконой православных Кирилла и Мефодия, обучавших болгар славянской национальной грамоте (это главное для них, а не крещение), вы видите обыкновенного язычника царя Крума, которому приносят на мече голову православного греческого царя» [Чижев: 349]. Между тем ранее уже отмечалось исследователями, что, хотя упомянутый Леонтьевым эпизод периода византийско-болгарского противостояния действительно имел место, общий вывод мыслителя не вполне правомочен, поскольку Никифор Арап, о котором идет речь в цитате, «был вовсе не “православным греческим царем”, а узурпатором [...] и притеснителем Церкви» [Числов 2017: 250].

В свою очередь сербов Леонтьев пытался объяснить через поляков и болгар, хотя сербы – крупный южнославянский народ [Леонтьев 2000б: 486]³ с яркой самобытной национальной традицией – существенно отличается и от тех, и от других. Справедливо замечание исследовательницы наследия мыслителя О.Л. Фетисенко: «Легко заметить, что поляки и болгары для него составляют два полюса славянского мира – католический и православный, западный и южный» [Фетисенко: 168]. При этом болгарскую интеллигенцию Леонтьев

описывал главным образом в сопоставлении с греческой, отмечая: «Насколько греки кажутся суше русских и, каждый отдельно и взятые вместе, однообразнее русских, настолько болгары кажутся для человека, пожившего и с ними, и с греками, суше и однообразнее греков» [Леонтьев 2000б: 458]. Одновременно греческую, болгарскую и сербскую интеллигенцию Леонтьев считал проще и грубее русской, лишенной тонкости и изящества, и по отношению к прогрессивной Европе ставил ее в роль «рагуни вчерашнего, который всем восхищается в буржуазной Европе» [Леонтьев 2000б: 482].

Но при этом в сербах Леонтьев смог выделить главное: ярко выраженное героическое начало, аристократизм, мужество народа-воина, стоящего на страже (подобно тому как и Пушкин чутьем гения верно уловил образ Карагеоргия, предводителя Первого сербского восстания, хотя и изобразил этого прославленного сербского героя достаточно мрачно). «Всякий серб – дворянин! – говорит с гордостью серб. Это шляхетское чувство собственного достоинства, распространенное на весь народ», – писал мыслитель.

Важное наблюдение Леонтьева касалось также региональных особенностей отдельных сербских регионов, в частности Военной границы, служащей пограничьем между Австро-Венгрией и Османской Империей. Империя Габсбургов привлекала сербов на военную службу, благодаря чему они приобретали статус «привилегированного сословия» (по сравнению с теми же католиками-кметами). Описывая их быт и устройство, Леонтьев отмечал: «Граничары имеют в привычках своих и в организации много казацкого. У них до последнего времени хранилась своеобразная сербская община (сербская задруга)» [Леонтьев 1876: 49]. Оценивая героическую борьбу сербов против турок в Герцеговине и Черногории, он пишет: «...Черногорские молодцы точно так же, как и теперь, наводили ужас на турецких низамов несокрушимой отвагой своею» [Леонтьев 2019б: 445]. Уроженцев сербской Спарты, как традиционно называли Черногорию русские-слависты и путешественники XIX века, он именует не иначе как «черногорскими удалцами» [Леонтьев 2000б: 449], а саму Черногорию – «орлиным гнездом» [Леонтьев 2000б: 364], хотя и считает, что все это уже по большей части в прошлом.

Особое внимание Леонтьев обращает на отношение сербов к вере, отмечая в связи с этим, что «сербы хвалят Православие; они чтут его»: «Они могут даже сражаться за него геройски» [Леонтьев 1885: 224]. Для Леонтьева также дорого, что митрополиты Черногории, ее духовные и светские владыки предводительствовали своей пастве и в битвах «умели сражаться и с турками и с французами» [Леонтьев 1876: 65]. В его глазах подобные проявления доблести и эпического духа в народной жизни славян являлись несомненным

достоинством, противостоящим столь нелюбимому им «мелочному, неподвижному и серому порядку полнейшей равноправности, когда уж и героизм, и все идеальное станет лишним» [Чижов: 397].

Степень и характер религиозности сербов (равно как и болгар) Леонтьев ставит в прямую зависимость от «близости к памятникам (церковным. – Е. О.), к патриаршим странам, к преданиям» [Чижов: 486] и, наконец, оценивает их по приверженности «к славе византийской» [Чижов: 486]. Любопытны его наблюдения относительно сербского национального характера, лишённого, в отличие от русского, «идеализма, мечтательности, поэзии» – а «болезненности души вовсе нет» [Чижов: 486]. Иными словами, в сербах, считает он, нет излишней сложности и утонченности, встречающихся у русских. «Они очень просты и лично, и национально», – писал Леонтьев. Мыслитель верно подметил, что сербы более цельны, значит, в известном смысле и более здоровы, а об удивительной простоте и патриархальности их нравов, особенно черногорцев (как наиболее героической части сербства), с удивлением свидетельствовали многие русские ученые и путешественники за несколько десятилетий до Леонтьева, в частности В.Б. Броневский, Е.П. Ковалевский, И.И. Срезневский и др.

Следует также иметь в виду, что в то время, когда Леонтьев размышлял о славянстве, зарубежные славяне в силу ряда исторических обстоятельств еще не проявили себя в полной мере. На тот момент зарубежные славянские земли пребывали в состоянии раздробленности, что особенно видно на примере сербского народа: одна его часть (вместе с болгарам) входила в состав Османской империи, другая принадлежала Австро-Венгрии, третья (уроженцы Черногории) сохраняла и героически отстаивала свою независимость. Отсюда становится понятней мысль Леонтьева, что «славизм, взятый во всецелости своей, есть еще сфинкс, загадка» [Леонтьев 1876: 3]. При этом он допускал, что славяне могут в будущем заявить о себе: «...славизм еще не сказал своего слова и таится, как огонь под пеплом» [Леонтьев 2000а: 168]. Между тем эта мысль была близка и Достоевскому, который писал о славянской идее как о еще зарождающейся, «содержащей в себе возможности разрешения судеб человеческих в Европе...» [Достоевский 1995: 10, 14, 23, 230].

Подытоживая, отметим, что у Леонтьева изначально уже была некая заданность в отношении к славянам, описывая которых он прибегает порой к достаточно широким обобщениям, не особенно вдаваясь в подробности их исторической и духовной жизни, которые, однако, имели немаловажное значение для понимания их национальных особенностей. Иными словами, Леонтьев подходил к славянам с мерками уже разработанного им учения, находя у них по большому счету подтверждение своих мыслей, при этом попутно делая любопыт-

ные и нередко точные замечания об отдельных сторонах жизни того или иного славянского народа. Наряду с отдельными верными наблюдениями, касающимися зарубежных славян, в целом выводы Леонтьева о славянах и их взаимоотношениях с Россией остаются не очень утешительными. В своих ярких и талантливых публицистических сочинениях Леонтьев разоблачал пагубную, с его точки зрения, тенденцию, наметившуюся в Европе после 1789 г., проявлением которой стал опасный процесс «всеобщего уравнивания», подготовивший почву для будущей революции в России. В работах целого ряда исследователей литературного наследия мыслителя встречается мнение, что при его жизни высказываемые им идеи не пользовались широкой популярностью, а новый всплеск интереса к его личности и наследию наблюдается уже в конце XX – начале XXI вв., когда совершенно изменились геополитические условия по сравнению с тем временем, когда жил и творил К.Н. Леонтьев.

Примечания

¹ Ср. мнение Н.А. Бердяева: «На Балканах К. Леонтьев любил греков и турок и не любил славян, особенно болгар» // К.Н. Леонтьев: Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1995. Кн. 2. С. 62.

² Мнение о ней в значительной мере было сформировано под воздействием статей Т.И. Филиппова.

³ Показательно, что сам же Леонтьев употребляет по отношению к ним термин «пансербизм», рассуждая о возможном будущем объединении всех сербов, в то время как у него нет, например, такого понятия, как «панболгаризм».

Список литературы

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Два лагеря теоретиков (по поводу «Дня» и кой-чего другого). Т. 20. 432 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. 518 с.

Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. 515 с.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: Имп. Общ-во истории и древностей российских при Московском университете, 1876. 132 с.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: сб. ст. К. Леонтьева. М.: Тип. И.Н. Кушнерова и Ко, 1885. Т. 1. 312 с.

Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ: Московский рабочий, 1993. 397 с.

Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 113 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Произведения конца 1860-х –

1891 годов. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2000а. Т. 5. 930 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Публицистика 1862–1879 годов. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2000б. Т. 7 (1). 558 с.

Леонтьев К.Н. Передовая статья из «варшавского дневника» // Котельников В.А. Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017. 284 с.

Милуков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев: [Публичная лекция, читанная 22 января 1893 г. в аудитории Исторического музея]. М.: Тип. тов-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1893. 53 с.

Переписка К.Н. Леонтьева и С.Ф. Шарапова (1888–1890) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6. С. 142–152.

Числов И.М. «Малый народ – удивительное явление...» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 1. С. 11–17.

Чижов Михаил. Константин Леонтьев. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 632 с.

Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 1086–1103.

Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: Pro et contra [Текст]: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1995. Кн. 1. 474 с.

Фетисенко О.Л. Константин Леонтьев: «Турецкий игумен» в славянском монастыре // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6. С. 165–198.

References

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 20, 432 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 24, 518 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii* [Complete works]: in 15 vols. Saint-Petersburg, 1995, vol. 14, 515 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Vizantizm i slavianstvo* [Byzantism and Slavism]. Moscow, Imp. Obshch-vo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1876, 132 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Vostok, Rossija i slavjanstvo* [East, Russia and the Slavs]: sb. st. K. Leont'eva. M., Tip. I.N. Kushnereva i Ko Publ., 1885, vol. 1, 312 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Izbrannoe* [Favourites]. Moscow, 1993, 397 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Plody natsional'nykh dvizhenii na pravoslavnom Vostoke* [Fruits of national movements in the Orthodox East]. M., Berlin, Direkt-Media Publ., 2016, 113 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]: in 12 vols. Saint-Petersburg, Vladimir Dal' Publ., vol. 5, 2000a, 930 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]: in 12 vols. Saint-Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2000b, vol. 7 (1), 558 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Peredovaia stat'ia iz "varshavskogo dnevnika"* [Editorial article from the "Warsaw diary"]. Kotel'nikov V.A. Konstantin Leont'ev. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2017, 284 p. (In Russ.)

Miliukov P.N. *Razlozhenie slavianofil'stva. Danilevskii, Leont'ev, Vl. Solov'ev* [Decomposition of Slavophilism. Danilevsky, Leontiev, V. Solovyov]. Moscow, Tipografia tov-va I.N. Kushnereva i K° Publ., 1893, 53 p. (In Russ.)

Perepiska K.N. Leont'eva i S.F. Sharapova (1888–1890) [Correspondence between K.N. Leontiev and S.F. Sharapov]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [Christianity and Russian literature]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2010, collection 6, pp. 142–152. (In Russ.)

Chislov I.M. "Malyi narod – udivitel'noe iavlenie..." [Small people – an amazing phenomenon...]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniia* [Scientific result. Social and humanitarian research], 2017, vol. 3, № 1, pp. 11–17. (In Russ.)

Chizhov Mikhail. *Konstantin Leont'ev* [Konstantin Leontiev]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2016, p. 632. (In Russ.)

Tikhomirov L.A. *Russkie idealy i K.N. Leont'ev* [Russian ideals and K.N. Leontiev]. *Leont'ev K.N. Slavianofil'stvo i griadushchie sud'by Rossii* [Leontiev K.N. Slavophilism and future destinies of Russia]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2010, pp. 1086–1103. (In Russ.)

Trubetskoi S.N. *Razocharovannyi slavianofil* [Disillusioned Slavophile]. *K.N. Leont'ev: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo K. Leont'eva v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei, 1891–1917 gg.: antologiya (v 2 kn.)* [K.N. Leontiev: Pro et contra: K. Leontiev's personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers, 1891–1917: anthology (in 2 books)]. Saint-Petersburg, Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo institute Publ., 1995, vol. 1. p. 474. (In Russ.)

Fetisenko O.L. *Konstantin Leont'ev: "Turetskii igumen" v slavianskom monastyre* [Konstantin Leontiev: "Turkish Abbot" in the Slavonic monastery]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [Christianity and Russian literature]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2010, collection 6, pp. 165–198. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.11.2020; одобрена после рецензирования 25.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 14.11.2020; approved after reviewing 25.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.